

Чередование букв *a* и *o* в основе: можно ли говорить о прагматике распределения вариантов?

© 2024

Алексей Дмитриевич Шмелев

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия;
shmelev.alexci@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье критически рассматривается гипотеза, согласно которой появление звука [o] на месте ожидаемого [a] (и, соответственно, при письменной передаче появление *o* на месте ожидаемой буквы *a*) представляет собой регулярный механизм, маркирующий неформальность слова: его отнесенность к жаргону, просторечию и другим некодифицированным областям языка. Показано, что за внешне сходными явлениями скрыты совершенно различные языковые механизмы. В частности, в целом ряде случаев появление *o* можно рассматривать как побочный эффект изменения акцентуации при словоизменении. Рассмотренные примеры подтверждают некоторый общий принцип орфографической проверки: нельзя использовать для проверки жаргонные и просторечные слова. Представляется, что этот принцип должен быть учтен в пособиях и справочниках по орфографии.

Ключевые слова: акцентуация, жаргон, орфография, просторечие, русский язык, чередования, языковая норма

Для цитирования: Шмелев А. Д. Чередование букв *a* и *o* в основе: можно ли говорить о прагматике распределения вариантов? *Вопросы языкознания*, 2024, 3: 128–139.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.128-139

The alternation of stem-internal *a* and *o*: Can we say that it is determined by pragmatics?

Alexei D. Shmelev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Moscow State University of Education, Moscow, Russia;
shmelev.alexci@gmail.com

Abstract: This article critically examines the hypothesis regarding the emergence of the sound [o] in the place of the expected [a] (and, accordingly, in written form, the occurrence of *o* in the place of the expected *a*) is a regular mechanism marking the informality of a word (its association with slang, colloquial language, and other non-standardized areas of the language). It shows that externally similar phenomena conceal completely different linguistic mechanisms. In particular, quite often the appearance of *o* is a side effect of the shifted stress in word inflection. The examples considered confirm a general principle of spell checking: slang and colloquial words cannot be used for checking. It is claimed that this principle should be taken into account in spelling guides and references.

Keywords: accentuation, alternations, language norm, linguistic subvarieties, orthography, Russian, slang
For citation: Shmelev A. D. The alternation of stem-internal *a* and *o*: Can we say that it is determined by pragmatics? *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 3: 128–139.

DOI: 10.31857/0373-658X.2024.3.128-139

Этот текст представляет собой отклик на статью [Кронгауз 2024], в которой делается попытка рассмотреть ряд разнородных случаев, когда вместо ударного [а], которое можно было бы ожидать, исходя из презумпции относительного постоянства фонемного состава основы, в основе обнаруживается ударное [о]. Во всех этих случаях автор статьи усматривает особое явление — переход *a* в *o* в разговорной речи, просторечии, профессиональных и молодежных жаргонах. В связи с этим рассматриваются следующие казусы: жаргонное *шпора* в значении ‘шпаргалка’; просторечные формы множественного числа, такие как *польша* от *пальто* и *бошки* от *башка*; гипокористические личные имена, такие как *Лора* от *Лариса*, *Тома* от *Тамара*, *Мотя* от *Матвей*; жаргонное слово *симпотный*; слово *розлив*; формы *плотит*, *дорит*, *котит* от *платить*, *дарить*, *катить* и т. п.

Делается вывод, что использование *o* вместо ожидаемого *a* фонетически и графически маркирует неформальность слова. Представляется все же, что имеет смысл поместить каждый из рассматриваемых казусов в более широкий контекст в надежде выявить языковые механизмы, которые скрываются за соответствующими явлениями.

Статья начинается с сопоставления слова *шпаргалка* и жаргонного обозначения шпаргалки — *шпора*. Автор приводит ряд попыток объяснить, почему безударную гласную букву в слове *шпаргалка* нельзя проверять словом *шпора* (объяснения взяты с сайтов и порталов интернета и обладают разной степенью убедительности). Большинство из этих объяснений имплицитно, что слова *шпора* и *шпаргалка* нельзя считать однокоренными. Возражая этому имплицитному утверждению, автор пишет: «Все-таки графическое / фонетическое сходство *шпаргалки* и *шпоры* настолько велико, что хочется признать их однокоренными...». Но представляется, что это желание пропадет, если мы посмотрим на сленговую замену *шпаргалки* на *шпору* в сопоставлении с другими подобными заменами. Общий механизм таких замен заключается в следующем: литературное слово или словосочетание в том или ином жаргоне заменяется на другое слово (жаргонный субститут), которое в литературном языке имеет совсем иное значение, но созвучно некоторой части исходного слова. Так, *фанера* заменяет слово *фонограмма* (например, в сочетании *петь под фанеру*), слово *дрова* в жаргоне компьютерщиков заменяет *драйвер*, из более редких замен можно упомянуть слово *студень* вместо *студент* или *студенческий билет* и *репа* вместо *репетиция* (*Репа отменяется: дирижер заболел*). Давно известна замена слова *миллион* на *лимон* (с перестановкой согласных). Жаргонный субститут иногда бывает однокоренным с исходным словом или частью исходного словосочетания (например, когда слово *мать* используется как жаргонный субститут сочетания *материнская плата*), но это скорее редкость. В некоторых случаях можно попытаться усмотреть какую-то семантическую связь между исходным словом и его жаргонным субститутом. Так, о коннотациях слова *фанера* в значении ‘фонограмма’ в словаре [Ермакова и др. 1999] говорится: «Отрицательная оценка, поддельность, “деревянный”, неживой звук <фанера — имитирующий дерево, недоброкачественный, негибкий материал>». Да и относительно слова *шпора* ‘шпаргалка’ в этом же словаре высказывается такое предположение: «Возможно, что у слова первоначально были ассоциации с приспособлением, которое помогает как лит. *шпора* при езде на лошади...» [Там же]. Однако в общем случае нет никакой мотивированности замены, кроме фонетического сходства и большей краткости жаргонного субститута. Это становится очевидным, если привлечь к рассмотрению жаргонные субституты, которые в литературном языке используются как собственные имена (чаще всего — гипокористические антропонимы): *стёпа* вместо *стипендия*, *валя* вместо *валюта*, или в жаргоне компьютерщиков — *клава* вместо *клавиатура*, *лазарь* вместо *лазерный принтер*. Ясно, что не имеет смысла говорить, будто выбор имен, используемых как жаргонные субституты, как-то семантически мотивирован: мотивировка здесь чисто фонетическая. В любом случае мы легко можем заметить, что рассматриваемый механизм вовсе не включает обязательную замену *a* на *o*: ее нет ни в слове *клава* ‘клавиатура’, ни в слове *валя* ‘валюта’, ни в слове *лазарь* ‘лазерный принтер’. То, что мы наблюдаем такую замену в слове *шпора* ‘шпаргалка’, обусловлено ровно тем, что в литературном языке есть слово

шпора и нет слова *шпара. Заметим, что иногда (хотя значительно реже) в качестве жаргонного субститута для *шпаргалки* используется слово *шпага* (см., например, [Сосновский 2016: 102]), и здесь никакая замена не происходит, что вполне ожидаемо, поскольку в литературном языке есть слово *шпага* и нет слова *шпога. Таким образом, слово *шпора* трудно рассматривать как иллюстрацию регулярной замены *a* на *o* в некодифицированной области языка.

Далее в статье М. А. Кронгауза рассматриваются «чередования *a* и *o*, описанные в лингвистической литературе». Этот раздел состоит из двух подразделов.

В первом из них обсуждаются правила написания корней с чередующимися гласными *a* и *o* со ссылкой на сайт gramota.ru. Автор высказывает ряд замечаний к формулировке правил как они приведены на указанном сайте. В частности, он справедливо указывает, что имена собственные *Ростов* и *Ростислав* в современном языке не должны включаться в список слов с корнем *раст/рац/рос*. Другое замечание приходится признать менее справедливым. Автор выражает сомнение в том, что на синхронном уровне можно говорить о сохранении единого корня *твор/твар*, и ссылается на следующее утверждение по поводу варианта *твар* (из [Кронгауз и др. 2018: 29]): «Второй вариант встречается в нескольких словах, изначально связанных с идеей творения, но по существу потерявших или теряющих эту связь». Представляется, что эта связь никак не утрачивается, когда речь идет о противопоставлении *Творца* и *твари*. Об этом свидетельствует множество примеров из [НКРЯ]¹, из которых приведем лишь несколько:

- (1) *Христианский Запад остро нуждается сегодня в православном чувстве тайны, «страха Божия», онтологической дистанции между Творцом и тварью...* [В. В. Библихин. Единое христианство (2002)].
- (2) *Потому речь здесь идет не о грубом спиритуализме, а об отношении между Творцом и тварью, Автором и считывателем сотворенного бытия...* [С. С. Неретина, А. П. Огурцов. Пути к универсалиям. Раздел II. Творец и род (2006)].
- (3) *Обезьяна выглядела лучше, ярче, чем могла бы выглядеть при жизни, — словно была не чучелом, а чистым замыслом, самой идеей новой твари, задуманной Творцом перед сотворением* [П. В. Крусанов. Волосатая сутра. Мойка, 48 (2012)].

Тем более эта связь очевидна в прилагательных *тварный* и *нетварный*. Опять несколько примеров:

- (4) *Если бы первые люди науки не видели мир сплошь тварным, если бы они не понимали его как высочайшее произведение божественного искусства, мы не знали бы математической физики* [Вячеслав Шевченко. Демон науки: Космический кубок // «Знание — сила», 2003].
- (5) *Сверхъестественная — совершается погружением нашего сотворенного духа в нетварный Дух Божий* [Два труда об истинном христианстве (2004) // «Журнал Московской патриархии», 23.02.2004].
- (6) *Сложное учение о цепочке символической коммуникации божественного и человеческого, нетварного и тварного, которое и составляет нерв лосевских размышлений о культуре, конечно, может в его текстах затеняться яркими филиппиками, но именно через это учение мы должны понимать творчество Лосева и его место в беспощадных умственных коллизиях века* [А. Л. Доброхотов. А. Ф. Лосев — философ культуры (2009)].

¹ Все примеры из НКРЯ приводятся в том виде, в каком они там содержались (по состоянию на апрель 2024 г.); лишь добавлено шрифтовое выделение интересующих нас единиц. Далее в случаях, когда пример заимствован из НКРЯ это специально не оговаривается.

Однако, независимо от указанной неточности, соответствующий раздел статьи М. А. Кронгауза вызывает двойное удивление.

Во-первых, непонятно, почему автор использует формулировки с сайта gramota.ru, а не значительно более корректные формулировки полного академического справочника [Лопатин 2007]. В этом справочнике в раздел, посвященный написанию слов с корнем *раст/рац/рос*, не включены имена собственные *Ростов* и *Ростислав*, зато упоминается ряд исключений из общего правила, о которых, по-видимому, просто забыли авторы формулировки на сайте gramota.ru. Сюда относятся, например, наречное выражение *на вырост*, а также слово *подростковый*, для которого современные справочники признают нормативным ударение на третьем слоге, наряду со «старым» ударением на втором слоге. Да и формулировка правила о корне *твор/твар*, включенная в этот справочник, тоже не вызывает особых замечаний. Кроме того, в нем учтены корни, о которых забыли авторы справки на сайте gramota.ru: *най/ной* (в глаголе *паять* и некоторых однокоренных словах, например, *припой*) и *кран/крон* (ср. *кранить* ‘покрывать мелкими пятнышками, точками’ и *кровать* ‘покрывать мелкими каплями, брызгами’)².

Во-вторых, несколько странным кажется отнесение орфографических справочников, преследующих чисто практические цели, к «лингвистической литературе». В них не делается попытка дать лингвистический комментарий к чередованию гласных букв в ряде корней, вследствие которого и оказывается невозможной рутинная проверка. Между тем лингвистический комментарий мог бы быть полезен и с практической точки зрения. Так, можно заметить, что чередование гласных букв в корнях может иметь различные источники. Иногда это наследие праславянского аблаута. Но есть и случаи, когда мы имеем дело с различными рефlekсами начального праславянского *or или *ol (например, в корне *равн/ровн*). Осознание этого позволит добавить к традиционно выделяемым корням с чередующимися гласными по меньшей мере еще один и отметить невозможность проверять слово *ладья* словом *лодка*. Удивительно, что этот корень регулярно проходил мимо внимания орфографистов; впрочем, он кратко упоминается в полном академическом справочнике [Лопатин 2007], в котором названы и некоторые другие корни с интересующим нас чередованием (например, *бархат* — *бархотка*).

Во втором подразделе со ссылкой на академическую грамматику [РГ 1980: 428–429] описывается переход *о* в *а* перед имперфективным глагольным суффиксом *ыва/ива*. Здесь хочется добавить две вещи. Во-первых, более точное, хотя и краткое описание морфологических условий данного чередования содержится в фундаментальной монографии [Иткин 2007: 146–147]. Во-вторых, раз уж затрагиваются общие принципы русской орфографии, полезно было бы упомянуть, что невозможность проверять гласную в корне глагола совершенного вида глаголами несовершенного вида с суффиксом *ыва/ива* можно рассматривать как частный случай более общего принципа: нельзя проверять гласную в глагольном корне глаголом противоположного вида. Так, гласную букву в глаголе *упоминать* нельзя проверять формами глагола *упомануть* (*упоманешь, упоманет* и т. д.), гласную букву в глаголе *предлагать* — формами глагола *предложить* (*предложишь, предложит* и т. д.)³.

Но дальше в статье происходит переход к менее тривиальному материалу. Следующий раздел так и называется — «Чередования *а* и *о*, не описанные в лингвистической литературе». Раздел начинается с повторного рассмотрения корня *зар/зор*, в котором «под ударением пишется то, что слышится, а в безударном положении пишется *а*», и обращается особое внимание на пару *заря* — *зори*, «поскольку чередование происходит

² Можно заметить также, что на сайте gramota.ru допущена ошибка в описании корня *кас/кос* (*ка-саться* — *коснуться*): в нем говорится о корне *кас/косн!* Понятно, с чем связана эта ошибка: буква *о* пишется в этом корне в тех случаях, когда за ним следует суффикс, начинающийся с *н*. Но все же буква *н* в соответствующих словах никак не может быть отнесена к корню.

³ Правило о написании корня *лаг/лож* непосредственно связано с этим принципом.

внутри лексемы существительного: в единственном числе с безударным корнем пишется *a*, а во множественном числе под ударением *o*». Действительно, в современном языке слово *заря* относится к той же акцентной парадигме, что и слово *дуга*, т. е. имеет ударение на втором слоге в формах единственного числа и на первом слоге в формах множественного числа. Однако ясно, что выбор гласной в корне *зар/зор* в этом слове обусловлен именно акцентуацией. В сочетании *бить зорю* мы имеем *o* в корне — именно потому, что гласный звук в корне находится под ударением. Все помнят хрестоматийные строки Пушкина:

- (7) *Зорю бьют... из рук моих
Ветхий Данте выпадает...*

Можно было бы говорить, что мы имеем дело с устойчивым выражением *бить зорю*, но множество примеров из реальных текстов убеждают нас, что это не так. Форма *зорю* встречается в сотнях разнообразных текстов, часть из которых даже вошла в НКРЯ, в сочетаниях *играть зорю*, *барабанить зорю*, *трубить зорю*, *ударить зорю*, *возвестить зорю*, а в поэтических текстах еще и *горланить зорю* и т. п.

Естественно сказать, что в слове *заря* мы имеем дело с фонемой <o> в корне (в понимании Московской фонологической школы), а написание буквы *a* обусловлено лишь традицией, отраженной в цитированном правиле. Тогда для слова *заря* мы должны будем допустить и другую акцентную парадигму — как у слова *спина* (ударение на окончании в единственном числе за исключением винительного падежа и на основе во множественном числе и в винительном падеже единственного числа). Иное изыщное решение предложено в словаре [Зализняк 1977/2008]: выделяется значение слова *заря* ‘рассвет или закат’, для которого постулируется с небольшими оговорками та же акцентная парадигма, что и для слова *дуга*, и фиктивная единица *зоря* ‘военный сигнал’, с неподвижным ударением на основе, о которой говорится, что она «используется преимущ. в выражении *бить зорю*». Действительно иногда (хотя чрезвычайно редко) *зоря* в значении ‘военный сигнал’ используется не только в винительном падеже:

- (8) *Вечерело; люди одевались в шинели, приготавливаясь к зоре* [Юрий Бирюков. «...В одно моленье души русские сольем»].

Но в целом такое решение, разбивающее слово *заря* на две единицы с разными акцентными парадигмами, не проходит. Слово *заря* в значении ‘рассвет или закат’ иногда встречается в форме *зорю*, например:

- (9) *Важно сбочив лохматую голову, любитесь на перегорающую, отразившуюся в зеркальной поверхности зорю, на садящееся за лес, переливающее жаром солнце...* [И. С. Соколов-Микитов. Детство (1929–1953)].
- (10) *Сашка сказал, что пойдет на озеро, чтобы не прозевать утиную зорю, и что вернется не раньше завтрашнего полудня* [Василий Белов. Чок-получок (1980)].

Впрочем, все сказанное никак не подрывает общей закономерности: акцентуация в рассматриваемых единицах может быть неустойчива, но под ударением в них встречается только [o] (и, соответственно, пишется *o*), и потому написание буквы *a* в них при отсутствии ударения приходится признать данью традиции. Дело исключительно в ударении и не зависит от стилистических факторов.

На этом фоне в статье М. А. Кронгауза описывается ненормативное образование множественного числа у слов *пальто*, *башка*, *балда*, *табло* (в значении ‘лицо’), *фата*.

Слово *башка* отчасти напоминает слово *заря* — как в плане акцентуации, так и в плане закономерностей чередования *a* — *o* (при этом существенно, что слово *башка* относится к просторечию — или к «сниженно-разговорному регистру»). Стандартно для него (или, точнее, обычно для него — поскольку говорить о стандарте в применении к просторечию

трудно) ударение на окончании и в единственном, и во множественном числе⁴, но оно иногда встречается на основе во множественном числе, и в этом случае во множественном числе устойчиво произносится [о] (и при необходимости письменной фиксации пишется о). При этом и во множественном числе, когда предполагается ударение на окончании, в корне всегда пишется а.

Но и в единственном числе при ударении на основе произносится [о]. Разумеется, это чаще всего происходит в форме винительного падежа, когда *башка* изменяется в соответствии с той же акцентной парадигмой, что и *спина*. Ср. такие примеры:

- (11) *А тетя Маша сказала: «Ведь вот что значит, когда городской ребенок-то. Нашиим и в **бошку** не вскочит»* [Т. В. Доронина. Дневник актрисы (1984)].
- (12) *А если с бабой выпить хочешь? Ей тоже **бошку** обривать?* [Дмитрий Каралис. Автопортрет (1999)].
- (13) *Я б тебе не хуже Драбкина **бошку** свернул, уверяю* [С. А. Самсонов. Кислородный предел (2008–2009)].
- (14) *Не-ет, связали и на **бошку** ему контейнер напялили...* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013].
- (15) *Это на **бошку** надевать, только не себе, а тому, с кем разговаривать будешь...* [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].

Но и в других падежах ударение может быть на основе, и тогда предсказуемо гласный в корне оказывается [о], например:

- (16) *Физхимия в моей **бошке** уложилась плохо, надо её пройти (бы) ещё раз* [А. А. Сарибан. Дневник (1974)].

С другой стороны, вполне употребительны формы множественного числа с ударением на окончании, и тогда, как уже говорилось, при письменной передаче гласный звук в первом слогe обозначается буквой а, например:

- (17) *...ход общей мысли, возникающей во всех **башках** одновременно* [Сергей Самсонов. Одиннадцать (2010)].
- (18) *И нам с тобою, как жирондистам, первым поотрубают **башки*** [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013].
- (19) *Представь, что вы друг друга по **башкам** сковородками били...* [А. Б. Сальников. Отдел // «Волга», 2015].
- (20) *Крепко мозгуйте, парни, напрягите **башки**, коли есть чего в них напрягать...* [В. П. Астафьев. Бойе (2015)].

Любопытно, что в [Кронгауз 2024] приведены некоторые примеры с ударением на основе (и, соответственно, написанием о) в формах единственного числа, но примеры с ударением на окончании (и, соответственно, написанием а) в формах множественного числа ему, по-видимому, не встретились.

Здесь опять-таки ясно: выбор гласной буквы в корне обусловлен акцентуацией, и в понимании Московской фонологической школы мы имеем дело с фонемой <о> в корне. Отличие от слова *заря* в стилистической отнесенности: *заря* нейтральное, а *башка* в разных формах — сниженно-разговорное.

⁴ В словаре [Крысин 2014] для всех значений слова *башка* указывается форма множественного числа *башки* (без указания места ударения), но при этом отмечается, что она неупотребительна.

Несколько иначе обстоит дело с формами слова *пальто*. В нем в единственном числе ударение на втором слоге как в литературном языке, в котором оно не склоняется, так и в просторечии (*без пальта, в пальте* и т. п.). Во множественном числе в просторечии ударение переходит на первый слог, в котором произносится гласный [о] (и в передаче просторечия на письме он изображается буквой *о*). Но и здесь (если опять-таки исходить из терминологии Московской фонологической школы) в просторечии мы имеем дело с фонемой <о> (а в литературном языке — с гиперфонемой).

Для слов *балда, табло* (в значении ‘лицо’), *фата* употребительность форм множественного числа (даже в просторечии) вызывает сомнения. Но даже если допустить, что эти формы сколько-нибудь устойчиво встречаются в просторечии, они подчиняются одному и тому же принципу. Попросту говоря, в литературном языке мы имеем дело с гиперфонемой, которая конвенционально обозначается буквой *а*, а в просторечии под ударением проявляется фонема <о>, которую носители просторечия (и те, кто имитирует их речь) обозначают буквой *о* (а без ударения обычно используется буква *а* как в литературном языке).

Таким образом, во всех рассматриваемых примерах в литературном языке первый слог всегда безударен (гласному звуку в нем в силу орфографических условностей соответствует буква *а*), а в просторечии он может быть ударным, и тогда в нем всегда произносится [о] (при передаче на письме *о*). Другие закономерности чередования *а — о* здесь не просматриваются.

При этом все рассмотренные примеры представляют интерес в том плане, что иллюстрируют некоторый важный принцип русской орфографии: нельзя проверять написание просторечными выражениями⁵.

Далее в статье рассматриваются гипокористические формы личных имен (автор называет их «неформальными разговорными формами»). Упоминаются имена *Лора, Лорка...* (от «полного» имени *Лариса*); *Мотя, Мотька...* (от «полного» имени *Матвей*); *Тома, Томочка...* (от «полного» имени *Тамара*). Можно было бы добавить гипокористики *Мотя* от «полного» имени *Матрена* и *Афоня* от «полного» имени *Афанасий*, а также, может быть, *Додик* от «полного» имени *Давид*.

- (21) *У нас новая прислуга — подгорничная Матрена — Мотя, суцья деревенщина* [А. Н. Бенуа. Дневник (1916)].
- (22) *С другой стороны жила Мотя, Матрена Ивановна Кауфман* [Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960–2000)].
- (23) — *Здравствуй, Афоня! — протянул он Афанасию свою железную ржаво-синеватую руку...* [Н. Никандров. Проклятые зажималки (1920–1929)].
- (24) *А взять того же Давида Шапиро, Додика?* [Сергей Гандлевский. НРЗБ (2002)].
- (25) *До войны в 17-ой школе города Минска учились три друга: Женя Мазо, Сема Маршак и Давид — Додик Герцик* [Светлана Гебелева. Три толчка сердца (2003)].

Однако закономерности образования стандартных гипокористических форм русских личных имен составляют отдельную проблему. Далекое не всегда при этом происходит замена ожидаемой *а* на *о*. От имени *Василий* стандартная гипокористика — *Вася* (а не *Вося), от имен *Валентин* и *Валентина* — *Валя* (а не *Воля), от имени *Галина* — *Галя* (а не *Голя), от имени *Татьяна* — *Таня* или *Тата* и т. д. (гипокористик, в которых «сохраняется» *а* чрезвычайно много). Да и имя *Лора* (в качестве гипокористики *Ларисы*), пожалуй, менее

⁵ Этот принцип обсуждается, в частности, в [Шмелев 2021: 11] — в том числе в связи с невозможностью проверки гласной буквы в глаголе *платить* посредством форм *плотишь, платит* и т. д., о которых речь пойдет далее.

употребительно, чем *Лара*⁶. Не случайно все помнят героиню «Доктора Живаго» по имени *Лара*. Поэтому говорить об использовании *о* вместо ожидаемого *а* как о механизме образования «неформальных разговорных форм» едва ли есть основания.

Далее в статье упоминается имя *Борька*, которое названо «типичной кличкой для барана», и «типичность» подтверждается «многочисленными видеороликами в интернете, а также стихотворением А. Барто “Баран Борька”». Действительно баранов иногда называют *Борька*: можно было бы добавить пример из НКРЯ:

(26) ...мне почему-то вспомнился баран Борька из далекой Новой деревни, постоянно отбивающийся от стада... [Борис Левин. Блуждающие огни (1995)].

И автор справедливо замечает, что «здесь нельзя говорить о чередовании, но, скорее, о поэтическом сближении названия животного и имени». Это совершенно верно, но тогда не вполне ясно, какое отношение это имеет к теме статьи — тем более что кличка *Борька* едва ли не в большей степени «типична» для борова. Ср. примеры из НКРЯ:

(27) Из забав — катались верхом на соседском борове Борьке, для которого собирали рыбу по берегу после бури (как он мучился ревя, когда сдыхал, отравившись снулым осетром...) [Александр Иличевский. Перс (2009)].

(28) Как чёрный боров Борька, который живёт на Холмах! [В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016].

(29) Катался верхом на борове Борьке, несмотря на суровый запрет. [Псевдоним alfare. Лайфстайл блог (2021)].

Эта кличка может быть применена и к другим животным (обычно домашним или цирковым; чаще всего к поросётам и кабанчикам, но также, по данным НКРЯ, к лебедю, бычку, щенку, дворовому псу, лосенку и даже к бурундуку и суматрскому тигру). Но если в применении к борову и бурундуку еще можно ссылаться на «поэтическое сближение» (попросту говоря, созвучие) слов *боров* и *бурундук* и клички *Борька* (хотя никакого чередования *а—о* при выборе клички в этих случаях нет), то другие случаи использования клички *Борька* явно никак не связаны с созвучием⁷.

Слово *симптомный* ‘симпатичный’, по-видимому, представляет собой изолированное явление, так что трудно видеть в нем действие какого-либо универсального языкового механизма. Несколько более системными представляются не отмеченные в статье М. А. Кронгауза *приглас* ‘приглашение’⁸, *спос* ‘спасибо’, *досвидос* ‘до свидания’, в которых мена *а* на *о* позволяет получить образования с характерной для жаргона финалью *-ос*. И, наконец, вполне системно слово *розлив* (с ударением на первом слоге), существующее наряду со словом *разлив* (с ударением на втором слоге). Общее правило функционирования слов с приставкой *раз/роз/рас/рос* хорошо известно: под ударением в ней произносится

⁶ В частности, можно упомянуть, что покойные Лариса Калакуцкая (лингвистка), Лариса Богораз (правозащитница и лингвистка) и Лариса Беспалова (переводчица) в неформальном общении звались именно *Ларями*.

⁷ В частности, в повести Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» кличку *Борька* носит неоскопленный кабан, а вовсе не боров (и Чонкин даже приревновал к нему Нюрку). При этом следует согласиться, что использование антропонима по отношению к животному часто основано именно на созвучии. Так, по отношению к петуху часто используется имя *Петя* (*Петя-петушок*) или *Петька*. Это касается и сказочных персонажей: лису в сказках часто называют *Лисавета Ивановна* или *Лисавета Патрикеевна*, медведя (*мишку*) — *Михаил Иванович* или *Михаил Потапович*.

⁸ Как было написано участником одной из социальных сетей, после того как было согласовано место и время некоторого мероприятия: *тогда рассылаю приглас*.

[о] и, соответственно, пишется *о*⁹, а без ударения используется церковнославянское написание с буквой *а*.

Пара *ро́злив—разлѝв* не составляет исключения: в слове *розлив*, как и во многих профессионализмах, ударение переходит на первый слог и, соответственно, произносится [о] (и пишется *о*). Иными словами, дело здесь только в ударении и в орфографической условности.

Утверждение, будто в этой паре «некоторая особенность заключается в том, что здесь фактически представлена дублетная пара, то есть синонимы, которые формально различаются только вариантом приставки (и ударением, естественно)» [Кронгауз 2024: 89], преувеличивает специфику данного примера. Во всех подобных парах написание приставки напрямую зависит от ударения. Так, форма прошедшего времени глагола *раздать* в мужском роде имеет «старый» (и более изысканный) вариант *роздал* (с ударением на первом слоге)¹⁰ и «новый» вариант *раздал* (с ударением на втором слоге). Здесь происходит то же самое, что и в формах *отдал*, *продал*: имеется «старый» вариант (с ударением на первом слоге) и «новый» вариант (с ударением на втором слоге). А в формах страдательных причастий мы имеем *роздан*, *роздано*, *розданы* (с ударением на первом слоге), но *раздана* (с ударением на окончании)¹¹. Вариативность акцентной парадигмы в формах с префиксом *раз/роз/рас/рос* влечет за собой вариативность написания.

Похоже обстоят дела и с такими глаголами, как *разнять* и *разлить*, с той разницей, что у них формы с ударением на первом слоге устарели и воспринимаются многими современными носителями языка как отклоняющиеся от нормы¹². Однако эти формы встречаются в текстах и, разумеется, пишутся с буквой *о* в первом слоге:

(30) *Бумаги у него не было — были нарезанные для самокруток полоски «Кубанских ведомостей», — но он позабыл о них и они намокли; кстати вспомнив, он бережно рознял их по одной и тоже развесил сушиться* [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995–1996)].

(31) — *Коган розлил коньяк* [Алексей Рыбин. Последняя игра (2000)].

Далее М. А. Кронгауз снова переходит к просторечным формам глаголов *дарить*, *капиться*, *платить*, *растить*, *(по)садить*, а именно: *дорит*, *котится*, *плотит*, *ростит*. В связи с формами глаголов *платить*, *дарить*, *посадить* в статье приводится замечание Н. С. Трубецкого [Трубецкой 1987], отметившего несоответствие произношения личных форм этих глаголов их графическому облику: при написании *платит*, *дарит*, *посадит* в корне произносится ударный [о]. Заметим, что названные глаголы устроены не вполне одинаково.

Несоответствие написания личных форм глагола *платить* и его приставочных производных (а также соответствующих страдательных причастий) живому произношению имело место уже давно и было закреплено в орфографическом руководстве Я. К. Грота. Процитируем соответствующий отрывок из этого руководства [Грот 1894: 23]:

Въ наст. вр. глагола *платить* пишутъ: *платишь*, *платятъ* и т. д., равно и въ страд. причастіи: *заплаченъ*, *уплаченъ*, хотя въ произношеніи слышится *о*.

⁹ Исключение составляет форма *распят*, в которой и при ударении на первом слоге сохраняется церковнославянское произношение с [а] и, соответственно, написание с буквой *а*.

¹⁰ В словаре [Еськова (ред.) 2015], в значительной степени ориентированном на «новые» нормы, форма *роздал* имеет помету *доп. устар.*

¹¹ Впрочем, в словаре [Еськова (ред.) 2015] приводится как допустимая и форма *роздана* с ударением на первом слоге.

¹² Не случайно публикаторы письма Глеба Семенова, адресованного Т. Ю. Хмельницкой, в котором содержалось слово *розлит*, добавили к этому слову помету <sic!> [Охотин, Семенова 2023: 477].

<...>

Звукъ *e* съ удареніемъ, слышимый послѣ согласнаго, также не всегда пишется. Такъ въ прошедшемъ вр. глаголовъ *запрячь* и *трясти* большею частью пишутъ этимологически: *запрягъ* и *трясъ*, хотя произносятся «запрѣгъ, трѣсъ». Равнымъ образомъ и въ неопр. наклоненіи пишутъ *запрячь*, а произносятся «запречь». Родит. падежъ ед. ч. личнаго мѣстоим. *она* пишется *ея*, произносится *ее*.

Несколько огрубляя картину, можно сказать, что произношение [а] в корне соответствующих форм представляло собой рабское следование написанию, а написание в них *о* — рабское следование произношению. Именно с этим связан комический эффект от штампа *уплочено* в «Мастере и Маргарите».

Иногда указанное несоответствие приводит к определенным проблемам. В первом действии «Ревизора» Гоголя Добчинский говорит о Хлестакове: *денегъ не платить*. А в последнем, пятом действии Лука Лукич цитирует эту фразу так: *денегъ не плотить*. Именно таковы написания в изданиях текста пьесы. В современных постановках (в частности, в представленных в мультимедийном корпусе НКРЯ) в первом случае актеры произносят [а], а во втором — [о]. Но не вполне ясно, входило ли это в авторский замысел. Можно было бы предположить, что Гоголь в первом действии использовал «этимологическое» написание, а в пятом действии — «фонетическое», но сделал это неосознанно и предполагал в обоих случаях произношение [о]. Но, кроме того, можно заметить, что в черновых редакциях (и первой, и второй) написание *плотить* использовано и в первом действии. Поэтому правдоподобным кажется предположение, что написание *плотить* в первом действии было исправлено на *платить* редактором, а в пятом действии прошло мимо редакторского внимания.

Это связано с более общим методологическим затруднением. При несоответствии написания произношению невозможно прямолинейное использование корпусных данных для установления особенностей произношения в минувшие эпохи. Если в тексте мы обнаруживаем форму *платить*, то мы не можем достоверно установить, предполагалось ли в ней произнесение [а] или [о] в первом слоге. (Но если написано *плотить*, можно уверенно говорить, что в первом слоге предполагалось произнесение [о].)

С течением времени под влиянием написания возобладало произношение [а], а произношение [о] стало восприниматься как просторечное. Соответственно, написания с *о* в настоящее время используются в художественной литературе в основном при необходимости имитировать просторечие.

Несколько иначе обстояли дела с глаголами (*по*)*дарить*, *катить(ся)*, (*по*)*садить*. Раньше в личных формах этих глаголов нормативно было ударение на окончании. Всем со школьных лет памятна строка *Оглянуться не успела, / Как зима катит в глаза; Посмотрит — рублем подарит*.

Однако начиная примерно с XVIII в. происходил процесс перехода ударения на основу. У Пушкина в личных формах глагола *катить* мы встречаем ударение как на втором, так и на первом слоге:

- (32) *Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.*
- (33) *Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.*

При этом мы не можем уверенно сказать, произносилось ли [а] или [о] в случаях, когда ударение падало на первый слог. Когда форма *катится* рифмуется со словами *каракавица*

или *сумятица*, очевидно, что в первом слоге произносится ударное [а]. Но в целом написание буквы *а* не гарантирует произношения [а].

Необходимо заметить, что переход ударения на основу в этих глаголах происходил не одновременно. В частности, данные поэтического корпуса НКРЯ показывают, что ударение на окончании в личных формах глагола (*по*)*дарить* вплоть до нашего времени актуально для ряда авторов¹³.

Почему же Н. С. Трубецкой уверенно включал глагол *дарить* в число глаголов с ударением на основе в личных формах (и произношением [о])? Можно допустить, что это была сознательная ориентация на московское просторечие — примерно такая же, как у Пастернака, который произносил формы типа *звонит* с ударением на основе, что нашло отражение и в его стихах. А в ходе развития языка в личных формах глагола *дарить* в кодифицированном литературном языке победило ударение на основе (ударение на окончании воспринимается как устаревшая норма), но при этом со звуком [а].

Наконец, глагол *растить* выпадает из этого ряда, поскольку в нем в личных формах при ударении на основе не может быть конкуренции [а] и [о]. Дело в том, что в корне *раст/рос* выбор одного из двух теоретически возможных написаний возникает только в тех случаях, когда гласный звук корня не несет на себе ударения; но под ударением всегда произносится [о] (и, соответственно, пишется *о*). Иными словами, вопрос здесь только в акцентуации, а произнесение [о] и написание *о* — автоматическое следствие переноса ударения на основу.

Что же касается формы *нолито*, то в ней естественно усматривать пример языковой игры (другой пример такой языковой игры представляет собой формула *чай заворен* — вместо *заварен*). Едва ли стоит придавать такой языковой игре слишком большое значение.

Итак, представляется, что гипотеза о замене *а* на *о* как о регулярном механизме создания стилистической окраски неформальности не проходит, несмотря на все остроумие этой гипотезы. В большинстве случаев эта замена происходит лишь как побочный эффект действия некоторых других, более регулярных механизмов. Однако вполне можно допустить, что произнесение [о] там, где носитель кодифицированного литературного языка мог бы ожидать [а], усиливает ощущение неформальности и сниженности. А в той мере, в какой это произнесение отражается на письме, мы можем говорить и о замене *а* на *о*.

В целом можно заметить, что в статье М. А. Кронгауза собран и систематизирован интересный материал, касающийся чередования букв *а* и *о* в основе и связанной с этим невозможности проверки. В значительной мере он иллюстрирует и подтверждает общий принцип невозможности проверки слов общелитературного языка посредством слов, относящихся к просторечию и жаргону. По-видимому, этот принцип должен быть эксплицитно представлен в пособиях и справочниках по орфографии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Грот 1894 — Гротъ Я. К. *Русское правописание*. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1894. [Grot Ya. K. *Russkoe pravopisanie* [Russian orthography]. St. Petersburg: Press of the Imperial Academy of Sciences, 1894.]
- Ермакова и др. 1999 — Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. *Слова, с которыми мы все встречались*. М.: Азбуковник, 1999. [Ermakova O. P., Zemskaya E. A., Rozina R. I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'* [The words we all have met]. Moscow: Azbukovnik, 1999.]
- Еськова (ред.) 2015 — Еськова Н. А., Борунова С. Н., Воронцова В. Л. *Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы*. Еськова Н. А. (ред.). М.: АСТ, 2015. [Es'kova N. A., Borunova S. N., Vorontsova V. L. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie*,

¹³ Небольшое замечание pro domo mea: в 1960-е моя бабушка исправляла меня, если я произносил глагол *подарит* с ударением на основе (разумеется, со звуком [а]). Для нее это звучало примерно так же, как глаголы *включит* или *позвонит* с ударением на основе.

- udarenie, grammaticheskie formy*. [Orthoepic dictionary of Russian: Pronunciation, stress, grammatical forms] Es'kova N. A. (ed.). Moscow: AST, 2015.]
- Зализняк 1977/2008 — Зализняк А. А. *Грамматический словарь русского языка*. М.: АСТ-Пресс Книга, 2008 (1-я публ. в 1977 г.). [Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka* [Grammatical dictionary of Russian]. Moscow: AST-Press Kniga, 2008 (first publ. in 1977).]
- Иткин 2007 — Иткин И. Б. *Русская морфология*. М.: Гнозис, 2007. [Itkin I. B. *Russkaya morfonologiya* [Russian morphonology]. Moscow: Gnozis, 2007.]
- Кронгауз 2024 — Кронгауз М. А. Чередование *a* и *o* в основе и прагматика распределения вариантов. *Вопросы языкознания*, 2024, 2: 83–92. [Krongauz M. A. The alternation of stem-internal *a* and *o* and pragmatic mechanisms of alternant distribution. *Voprosy Jazykoznanija*, 2024, 2: 83–92.]
- Кронгауз и др. 2018 — Кронгауз М., Арутюнова Е., Панов Б. *Неучебник по русскому языку. Орфография*. Ч. 1: *О корнях и не только*. М.: Клевер-Медиа-Групп, 2018. [Krongauz M., Arutyunova E., Panov B. *Neuchebnik po russkomu yazyku. Orfografiya* [“Not-a-Textbook” of Russian. Orthography]. Part 1: *O kornyakh i ne tol'ko* [On roots and beyond]. Moscow: Klever-Media-Grupp, 2018.]
- Крысин 2014 — Крысин Л. П. (отв. ред.). *Толковый словарь русской разговорной речи*. Вып. 1: *A–И*. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoj rechi* [A dictionary of Russian colloquial speech]. No. 1: *A–I*. Moscow: Yazyki slavyanskoi ku'tury, 2014.]
- Лопатин 2007 — Лопатин В. В. (ред.). *Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник*. М.: Эксмо, 2007. [Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation: Complete Academic reference book]. Moscow: Eksmo, 2007.]
- НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Охотин, Семенова 2023 — Охотин Н., Семенова Л. Из переписки Фриды Вигдоровой и Глеба Семенова. «*Быть тебе в каталожке...*». *Сборник в честь 80-летия Габриэля Суперфина*. Розенблум О., Кукуй И. (ред.). Франкфурт-на-Майне: Esterum Publ., 2023, 673–505. [Okhotin N., Semenova L. From the correspondence of Frida Vigdorova and Gleb Semenov. «*Byt' tebe v katalozhke...*». *Papers on the occasion of Gabriel Superfin's 80th anniversary*. Rozenblyum O., Kukui I. (eds.). Frankfurt am Main: Esterum Publ., 2023, 673–505.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Moscow: Nauka, 1980.]
- Сосновский 2016 — Сосновский Я. Словообразование русского студенческого жаргона. [Sosnovskii Ya. Word formation in the Russian student slang]. *Acta Universitatis Lodzianensis Folia Linguistica Rossica*, 2016, 13 (13): 93–110.
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н. С. Морфологическая система русского языка. *Избранные труды по филологии*. Виноградов В. А., Нерознак В. П. (сост.). М.: Прогресс, 1987. [Troubetzkoy N. S. Morphological system of Russian. *Izbrannye trudy po filologii*. Vinogradov V. A., Neroznak V. P. (comps.). Moscow: Progress, 1987.]
- Шмелев 2021 — Шмелев А. Д. Проспект «Свода правил русской орфографии» в свете принципа интегральности. *Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сб. ст. к 70-летию академика А. М. Молдована*. М.; СПб.: Нестор-История, 2021, 7–18. [Shmelev A. D. An outline plan for a new “Russian orthographic code” in the light of the integrity principle. *Slova, konstrukticii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti: Papers on the occasion of A. M. Moldovan's 70th anniversary*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 7–18.]